

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

19 февраля академики А. Ф. Иоффе выступают в клубе МГУ с докладом о новейших достижениях физики в СССР и за границей. Основной темой доклада А. Ф. Иоффе является проблема расщепления атомного ядра.

Московская научная общественность проявляет повышенный интерес к предстоящему выступлению акад. Иоффе.

По сведениям, полученным редакцией вчера вечером, бои в Вене и во всей Австрии продолжаются с переменным перевесом сторон в разных районах. Однако множество отдельных фактов свидетельствует о возрастающей организованности руководителей рабочих отрядов.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Э. ВАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЫВАНОВСКОГО, Ч. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЦАРНОГО, Е. УСИВИЧА.

№ 18 (333)

16 ФЕВРАЛЯ 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОЛЬ НИЗАН В МОСКВЕ

На снимке — Поль Низан.

В Москве гостит в настоящее время французский революционный писатель Поль Низан. 15 февраля Поль Низан сделал доклад о современной французской революционной литературе.

РЕШЕНИЯ XVII СЪЕЗДА В ОСНОВУ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЫ

Незадолго до начала XVII съезда ВКП(б) окончил свои работы XIII пленум Коминтерна.

Выступавшие на пленуме представители всех коммунистических партий, анализируя положение в своей стране и указав на достижения, недостатки и ошибки революционного движения, с особой силой подчеркивали, что победоносное продвижение социализма в СССР, ликвидация последних остатков капитализма в Стране Советов, укрепление ее мощи и силы, — все эти успехи Советского союза ДАЛЕКО ПЕРЕКРЫЛИ отдельные неудачи и временные отступления революционного движения в отдельных странах капитала.

Боевая задача интернационального движения — осуществление лозунга советской власти в капиталистических странах, задача, под знаменем которой сейчас происходят революционные выступления рабочих Австрии и Франции — сочетается с реальным делом построения социалистического бесклассового общества в СССР — боевым знаменем всего международного революционного лагеря. Эти задачи вдохновляют на борьбу немецких и других рабочих, умирающих за дело социализма, реальное воплощение которого они видят в Советском союзе. Они находят себе горячих приверженцев, особенно среди тех передовых людей, которые обладают, как говорят, шестым человеческим чувством — восприимчивостью — в наш век техники, можно сказать, радиовосприимчивостью художника, писателя.

Для этих людей строительство социализма — не одно только изменение производственных отношений, уничтожение эксплуатации человека человеком — это перемена всех культурных ценностей человечества, сознание нового человека, ликвидированного пережитки собственного мышления.

От нас, борющихся на литературно-художественном фронте, прежде всего зависит превращение симпатий передовых слоев зарубежной интеллигенции в СССР в действительную боевую силу.

XVI партсъезд наглядно показал все достижения Советского союза в области экономической, технической, культурной, всю силу и мощь продвижения социализма. Съезд продемонстрировал, как под руководством партии большевиков и пера человека революционной социалистической эпохи, ясное и дальновидное всех друзей пролетариата нового общества — СТАЛИНА, отброшены безвозвратно в арсенал истории попытки всякого рода «друзей» оставить шестую часть мира на положении «Hinterland».

И если еще недавно переводы в мир несли мало, то все же с неким превосходством «европейцев» говорили о симпатиях к СССР, то сегодня в их отношениях к СССР звучит гордость одержанной советским пролетариатом победы, желание приобщиться к совместной борьбе.

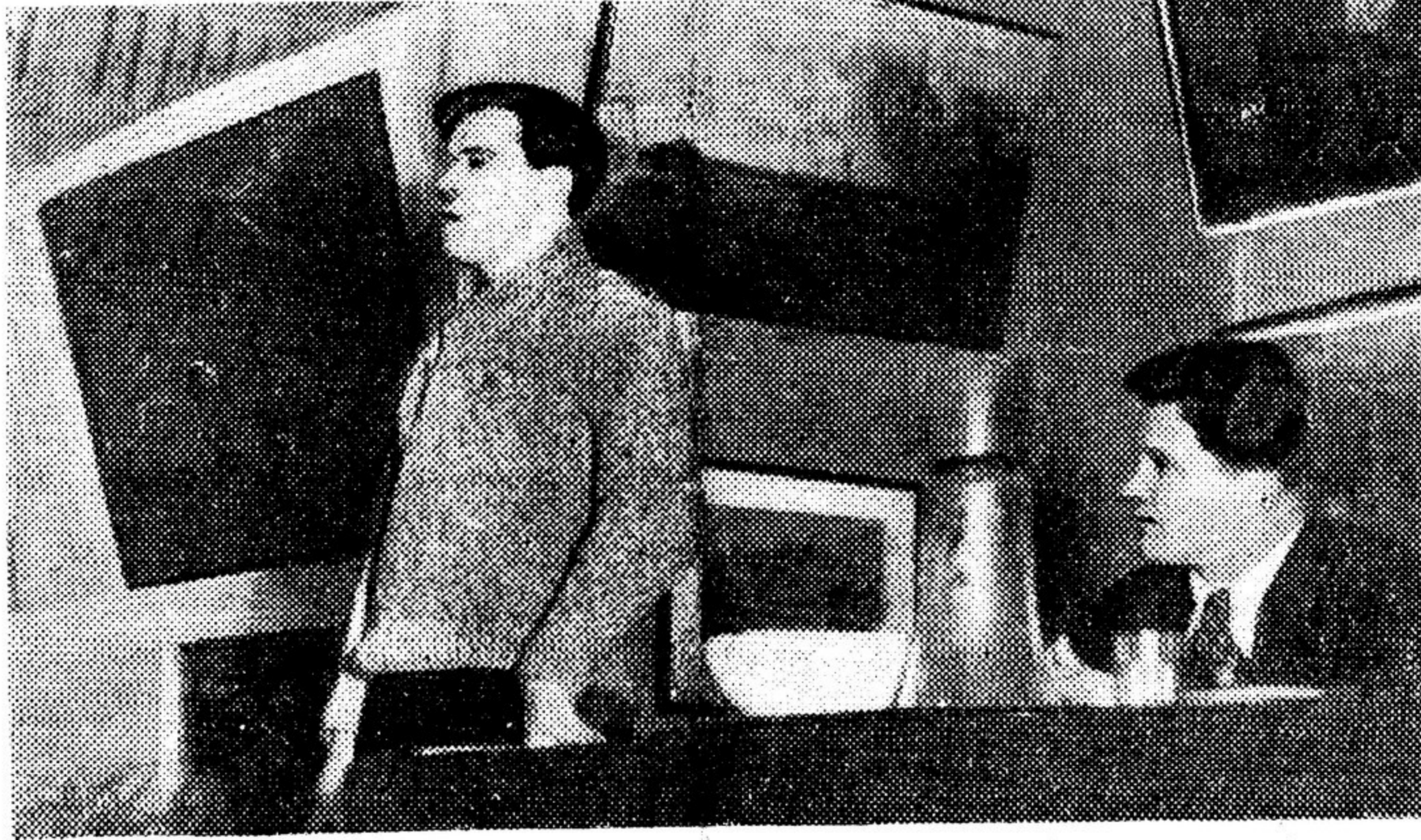
На смену Анатолью Франсу, подерживавшему свое положительное отношение к СССР и объявившему себя коммунистом, на смену многим другим писателям, «поддерживающим», но не включившимся в активную борьбу за революционные лозунги под знамя коммунизма Советского союза, в последнее время стало не малое количество новых литературных бойцов. К испытанным друзьям революционного движения, как РОМЕН РОЛЛАН, АНРИ БАРБЮС, МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ, ТЕОДОР ДРАЙЗЕР, ДЖОН ДОС-ПАССОС, ИОГАННЕС БЕХЕР, ЛУ-СИН, ФУДЖИМОРИ и многим другим, за последнее время присоединились новые боевые писательские отряды, новые славные имена: АНДРЕ ЖИД, АНРИ МАЛЬРО, ШЕРВУД АНДЕРСЕН, МАЙКЛ ГОЛД, РОБЕРТ КРУДЕН, ДЖОЗЕФ КАЛАР, ИОСИФ ЛАСТ, ЛЕОН КРЮКОВСКИЙ и ряд других писателей, занимающих первые места в литературе не только своей страны, стали сегодня активными бойцами против фашизма и капиталистического строя, за революцию, за СССР.

Недавно еще попутчики революционного движения, они становятся сегодня уже его героями. Подобно АНДРЕ ЖИДУ, который, порвав со своим классом, немедленно отдал себя всецело на службу революционному движению, в первый раз в жизни выступая на революционных митингах, участвуя словом и делом в рабочих забастовках, — все они становятся в ряды революционного фронта. Кто раньше был менее всего организован в капиталистических странах? Конечно, прежде всего писатели. НО ПОСМОТРИТЕ СЕГОДНЯ НА СОЮЗЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В СЕКИИ, МОРТ ПОНТИ ВО ВСЕХ СТРАНАХ, МИРА! Французская ассоциация революционных писателей, испанская секция МОРП, американские Джон Рид-клубы революционных союзов писателей Японии и Китая и т. д. — это боевые форпосты революционно-культурного движения, революционно-культурного фронта. Посмотрите на деятельность нелегальной в фашистской Германии союза революционных писателей, на их многочисленные нелегальные издания, на собрания с революционным движением

ПРЕТВОРИТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА РЕШЕНИЯ XVII СЪЕЗДА ВКП(б)

Выступление секретаря ЦК ВЛКСМ т. КОСАРЕВА на общемосковском собрании художников и скульпторов

Фото Гринберга

Тов. Косарев делает доклад у художников

...В большом зале «Всекохудожника» еле вместившим 14 февраля свыше тысячи работников искусства, развешены картины художника Куприна. На стене позади тридцать висят полотна, изображающие предприятия Днепротрестовско-го комбината. Кажется, что картины служат наглядными иллюстрациями к словам секретаря ЦК Ленинского комсомола, рассказывающего о громадных победах, с которыми Советский союз пришел к XVII съезду партии.

— Этот съезд, — говорит т. Косарев, — отражал эпоху гордых строителей, непобедимых людей, непреклонных, как сталь. Поэтому и называем XVII съезд ВКП(б) съездом победителей.

В первой части своего выступления т. Косарев подробно останавливается на грандиозных успехах, проследивших в колхозной деревне, говорит о победах индустриализации, о культурном строительстве и об укреплении обороноспособности страны, анализируя их в свете решений XVII съезда.

— Вторая пятiletка, — говорит далее т. Косарев, — ставит задачи полного уничтожения причин, порождающих классовые противоречия, эксплуатацию человека человеком. Перед нами стоит громадная задача — преодолеть пережитки капиталистического прошлого в сознании людей. Вот тут-то и возрастает роль бойцов на культурном фронте.

Многие представители нашей интеллигенции еще не понимают всего значения слова социализм. Они рассматривают социалистическое будущее как серое однообразное существование. Социализм в их представлении — это стандартные дома, похожие одна на другую квартиры, штампованный труд, однотипные краски, однообразная музыка. Такое представление о будущем является одним из пережитков прошлого.

Социализм — не уравниловка. Это — многогранная, яркая, краси-

вая творческая жизнь. Только при социализме каждый труженик получает возможность наиболее полного развития своих способностей и здоровых склонностей. Это не серая казарма, где ходят все по ранжиру, в одинаковом платье, позитриженные под одну гребенку.

Эту истину никак не хотят усвоить многие наши «проектеры» из числа загнивающих. По всей видимости, как «понимают» социализм и те архитекторы, которые строят вместо удобных и радующих глаз жилищ безобразные серые коробки. Так же, по всей вероятности, мыслят и кое-кто из живописцев, маляжущих такие полотна, что на них и смотреть страшно, но уверяющих, что это — натурализм, «своевременный социализм» пролетариата.

Когда строили Сталинградский тракторный, наплывшие мечтатели, предлагавшие воздвигнуть громадные «социалистические» дома. По плану в этих домах дети должны были жить отдельно, мужчины врозь от женщин. А рабочие в это время... нечеловечески жили.

Была у нас РАПП. Помните, тогда чуть ли не в каждом стихотворении склонялись на разные лады слова: ударник, ударница, колхозник, колхозница. Авторы думали, что это не любовь и уважение к ударнику и колхознику, а только потому, что это было модно, ради формы.

Была у нас еще РАПМ. Никогда от нас нельзя было скрыться. Дома включили радио — музыка Ковалев, Давиденко, Белого. Идешь на концерт — та же музыка тех же композиторов: Ковалев, Давиденко, Белого.

Мы находимся сейчас в периоде исканий форм и стиля подлинного социалистического искусства. Дело это не легкое. Но неужели нельзя создать стихотворение, музыкальное произведение и картину об ударнике и колхознике, которые было бы приятно читать, слушать и смотреть?

Пролетариат — требовательный класс. У нас каждый рабочий-пар-

тек, чуть приобившись к культуре, хочет слушать Вагнера, любоваться картинами Репина, читать Пушкина и быть на спектакле в Художественном театре.

Рабочий класс хочет чистых красок, гармонично расположенных линий. История подводит его к пониманию настоящего искусства.

Создать красивые вещи, которые воодушевляли бы нас на дальнейшую борьбу, заражали бы новой энергией, — вот к чему призывает рабочих искусство ленинский комсомола.

Бурной овацией отгласила аудитория на призыв т. Косарева. Ответ работников изобразительного искусства на собрании, что на-днях московский горком художников отправляет в Тепло-Огаревский район для строящегося там дома колхозной культуры восемьдесят картин.

Тов. Славинский призывает всех художников и скульпторов активно участвовать в подготовке выставки комсомола, которая откроется в будущем году.

Хорошо выразила общую мысль присутствовавших на собрании заслуженный деятель искусства т. Машиков.

— Гигантская работа, — сказал он, — перед нами. Если бы разбудить всех Рубенсов, то они были бы подавлены всеми возможностями и волнующими темами нашего сегодняшнего дня.

Ту атмосферу исключительного внимания и любви к художникам и искусству, которую проявляют в нашей стране все, начиная от великого вождя т. Сталина до рядового колхозника, создала партия большевиков.

Краткая резолюция, принятая собранием с исключительным единодушием, гласит: художники и скульпторы обязуются претворить в произведения искусства все, что является содержанием работы и решений XVII съезда ВКП(б).

Пролетариат — требовательный класс. У нас каждый рабочий-пар-

СОВЕТСКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

За рубежом проявляется необычайный интерес к произведениям советских писателей. За рубежом появились переводы почти всех основных советских книг, изданных в СССР за 16 лет революции.

Франция, Германия, Австрия, Польша, Англия, Исландия, Испания, Италия, Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Голландия, Чехословакия, Венгрия, САСШ, Аргентина, Япония, Корея, Китай, Индия...

Отдельные книги 70 советских писателей изданы в этих странах. Если этот список дополнить произведениями советских прозаиков и поэтов, печатавшихся в иностранных журналах и газетах, то число писателей, переведенных за рубежом, достигнет 100.

Книги таких писателей, как М. Горький, А. Фадеев, Ф. Панферов, Ф. Гладков, М. Шолохов, В. Лидин, Л. Леонов, А. Толстой, М. Ильин, С. Маршак, В. Катаев, Н. Огнев, В. Инбер и др., издаются одновременно в 10—15 странах мира.

Любопытно привести соотношение количества книг советских писателей, издаваемых в различных странах.

Германия до прихода к власти Гитлера выпустила 180 произведе-

почти все главнейшие произведения советской литературы последнего пятилетия.

Второе место по количеству изданий русских советских писателей сейчас принадлежит Голландии. Там выпущен недавно сборник-антология восьми советских поэтов, от Маяковского до П. Васильева. Среди многих переведенных книг — «12 столбов», «Петр I», «Тихий Дон» и др. Исключительный интерес проявляется сейчас к советской книге в САСШ.

Наиболее популярным писателем за границей является А. М. Горький. Многие произведения Горького издавались там и до революции (начиная с 1900 г.).

В послевоенный период интерес широких масс трудящихся мира к первому пролетарскому писателю, к его новым произведениям. В последние годы рабочие мира узнали Горького не только как писателя, но и как международного трибуна. Слово Горького, его публицистические статьи, восторженно принимаются миллионами западных рабочих.

Необычайна популярность Максима Горького среди французских рабочих и трудовой интеллигенции.

ний советских писателей, занимающее первое место в мире по переводам советских книг. Гитлеровский режим «сознаменовался» большим почетом на советскую книгу. Многие книги советских писателей были переданы Гоббельсом сожжению. За три месяца (с апреля по июнь 1933 г.) в Германии вышла только одна книжка советского писателя Н. Богданова «Первая девушка» (по данным Международного института духовного сотрудничества при Лиге наций). За весь 1933 г. в Германии кроме книжки Н. Богданова был издан еще В. Шишков.

За последние полгода на первом месте по количеству переведенных русских изданий находится, по данным ВОКС, Польша. Там вышли

Обследование многих библиотек рабочих районов Парижа показало, что произведения М. Горького пользуются большим спросом. В особенности популярны среди парижских рабочих книги Горького, рисующие борьбу революционного пролетариата против царизма: «Мать», «Письма о революции», «Песнь о буревестнике» и др.

ПИСЬМО М. ГОРЬКОГО РАБОЧИМ ТИПОГРАФИИ ИМ. ВОРОВСКОГО

Уважаемые товарищи! Нездоровье мешает мне притти к вам и горячо поблагодарить вас за отличную работу по изданию книги «Бедоморстрой».

Очень сожалею, что не могу лично и крепко пожаловать ваши искусные руки, побеседовать с вами, но не теряю надежды, что это осуществится.

Вероятно, опыт коллективного создания книг будет повторен и привнесет у нас, — было бы ideally, если б коллектив литераторов дружески сливался в работе своей с коллективом полиграфов. Это дало бы нам возможность показать образцы высокой литературной и полиграфической техники.

Сердечно благодарю вас, товарищи, за ваш прекрасный, деловой ответ на мою просьбу помочь литераторам быстро и хорошо издать книгу об одном из тех достижений, которыми пролетариат-диктатор завоевывает уважение своих классовых друзей во всем мире и внушает им ту силу, тот героизм, который в эти дни обнаруживают рабочие Австрии и Франции на улицах Вены и Парижа.

М. ГОРЬКИЙ.

Делегация белорусских писателей в Москве

СЪЕЗД ВСТРЕТИМ НОВЫМИ КНИГАМИ

Беседа с председателем Белорусского Оргкомитета т. М. КЛИМКОВИЧЕМ

Приближение всеобшорского и всесоюзного съездов советских писателей значительно активизирует литературное движение в Белорусии. Наши писатели встречают съезд новыми книгами.

К XV съезду КП(б)Б и к XVII всесоюзному съезду партии уже вышли новые книги белорусских писателей: Лынькова «На черных ялах» (роман из жизни предтектарьской белорусской деревни), Якуба Коласа «Дригва» (о партизанском движении в Полесье), Бровка «Так починалась молодость» (поэма о минском подполье комсомола). Молодые белорусские писатели также рапортуют съездам новыми книгами: Шинклер «Солнце под шаплой» (о ж.-д. транспорте), Э. Самуилев «Теория Каленбрука» (о революционном движении на Западе).

На белорусском партийном съезде делегация пионеров упрекала писателей в отсутствии новых детских книг, рассказывающих о нашем строительстве. Белорусские писатели приняли этот счет. Около 30 новых детских книг (Александровича, Коласа, Дорожного, Харька, Бороновых, Якимовича и др.) уже имеются сейчас в портфеле БелГИЗ.

Арбитром договора избран Всеобщий Оргкомитет и «Литературная газета».

К всеобшорскому съезду писателей (апрель) выйдут из печати новые книги: Александровича «Четыре поэмы», К. Черного «30 лет» (роман), Лынькова (сборник рассказов), Кулешова «Горбу» (поэма), Шинклер «Занески инструктора Тома» (о ж.-д. транспорте); на польском языке книги польских советских писателей: т. Ковальского (стихи), т. Жарского (проза); книги еврейских писателей Белоруссии: Харька, Кульбака, Аксельрода, Камеченского, Гейфа, Л. Кагана и др. Сданы в печать три сборника на оборонные темы (на белорусском, русском и еврейском языках) и комсомольский сборник «Большевистская молодежь».

Активно проявляет себя и белорусские драматурги. Свыше 60 пьес

дал всеобшорский правительственный конкурс пьес. По тематике — 50 проц. пьес посвящено вопросам коллективизации, 20 проц. — международным вопросам. 10 лучших пьес белорусских драматургов будут приняты к постановке государственными белорусскими театрами. 10 пьес будут подвергнуты доработке и использованы главным образом для деревенского театра.

Широко развернулось массовое литературное движение. В Минске работают литкружки на крупнейших предприятиях: заводе «Большевик», заводе им. Ворошилова, металлзаводе «Коммунар», типографии им. Сталина и др. К литкружкам прикреплены писатели и аспиранты Института ЛЯЯ Белорусской академии наук.

Два сборника литкружковцев «Ударник» будут выпущены БелГИЗ.

Делегация белорусских писателей использовала свое пребывание в Москве для подытоживания опыта работы белорусской бригады Оргкомитета и непосредственных переговоров с издательствами («Советская литература» и ГИХЛ) по вопросу издания всеобщего писательского съезда книг белорусских писателей. В частности «Советская литература» наметила выпустить книги Янки Купалы (сборник стихов Якуба Коласа (поэма «Новая земля»), Александровича (стихи).

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

В Доме советского писателя (Центральный парк культуры и отдыха им. Горького) 14 февраля состоялась товарищеская встреча русских и белорусских писателей. Среди писателей — члены белорусской бригады Оргкомитета: В. Лидин, Бруно Ясенский, Н. Огнев, П. Маркиш, С. Левман, С. Вавенцев, бригады белорусских писателей, возглавляемая М. Климовичем в полном составе, тт. П. Юдин, В. Кирпотин и др.

Председатель Белорусского оргкомитета ССП т. М. Климович рассказал о роли, которую сыграл приезд всеобщей бригады Оргкомитета в Минск. Москвичи по-деловому занялись с ознакомлением и изучением советской белорусской литературы.

Долгое время намеченные государственные задания в Наркомпросе БССР, Институте ЛЯЯ Белорусской Ком академии и засоряя белорусский язык польскими словами. Делалось это для того, чтобы ориентировать советскую белорусскую литературу на Запад, чтобы в дальнейшем оторвать Белоруссию от СССР.

Все эти вылазки намеченцев были разоблачены. Поэтому огромное значение приобретает сейчас развернувшаяся во всех секциях Белорусского оргкомитета широкая дискуссия о литературном языке. В этом отношении нам во многом помогает опубликованная в последнем номере «Литературной газеты» статья А. М. Горького («Открытое письмо А. С. Серафимовичу»).

Перед белорусскими писателями и бригадой писателей Оргкомитета стоит почетная задача — совместными силами создать большую художественную книгу о Белоруссии.

В. Кирпотин говорит об огромных задачах, которые стоят перед

Делегация белорусских писателей в редакции «Литгазеты».

Фото Гринберга

Лицо японской Армии

ОПЫТ ЛЮБОГО — ТЕМА ДЛЯ РОМАНА

Язык и стилизаторы

Книг о японской армии, — я подумываю книгу обобщающего характера — у нас не слишком много. В 1907 г. появилась первая серия: Н. Сепинг-Райт «Самурайский кодекс», В. В. Норригайт «Великая осада Порт-Артура» и Э. А. Шелл «Осада в слава Порт-Артура». Три названных автора были английскими корреспондентами при адм. Тоге и ген. Ногги. Как бы при появлении названных книг ни умаляла их значение русская военная критика (например, в статьях Кладов), факт остается фактом: в живой, а главное, военно грамотной форме миру были показаны победы самурайской и немлюбой России.

Трудно назвать лучшего из трех английских авторов. По ряду практических соображений я бы назвал все-таки Сепинг-Райта. Он был на флоте, действовал вместе с японскими морскими, т. е. он видел, наблюдал высшую форму японской организации. Познание же высшей формы может открыть многое. В сопоставлении со знаменитой «Расплатой» Семенова, повелевающей миру о разгроме Порт-Артура и разгроме у Цусимы (как жаль, что наша критика, которой надлежит везать этим, не дала сравнительного анализа «Расплате» и «Цусиме»).

Большим недостатком английских авторов является то обстоятельство, что они выставляют свои книги только войны. Я не собираюсь шутить. Надо просто отметить тот факт, что спустя 30 лет проносились колоссальные перемены и в России и в Японии. Япония стала носителем регресса и опасности войны. И советские писатели, демонстрируя свою мобильность, свой новый социальный тип, вскрывают опасность: дают книги о японской армии не «после», а «до» и «накануне».

Я говорю о новом романе «Тропа самураев» Льва Рубинштейна (см. журнал «Знамя», № 1, 1934).

Отступая, как всегда, от приемов нашей критики, я хочу говорить не только о произведении, а об авторе, об его творческой организации, о том, как и почему он написал в 1933 г. книгу о японской армии.

Л. Рубинштейн анализирует (вернее, не анализирует) два духа, две культуры, два мира: «Молодой гвардии». В одной из этих книг было написано о Японии. Книга была критикой «лицезерствования». Ни автор, ни его знания, ни его материал, ни тенденции автора не выдерживают ни во внимании. Автор между тем располагает материалом, который мог бы заинтересовать наших читателей. Л. Рубинштейн, насколько известно мне, востоковед, историк, наблюдал ОКДВА в 1932 г. Некоторое время путешествовал по Манчжурии, Китаю и Японии. Он суммировал наблюдения, понимая необходимость написать книгу. «Кому-то» оставалось все это завесить и практически помочь двигаться молодому писателю в большую литературную поход. (Опять и опять впадение ортодоксов). Как в большинстве случаев, этот «кто-то» не нашлся. Когда Рубинштейн книгу все-таки сделал и предложил ее одному из уважаемых издателей, то оно, уважаемое издательство, узнав, что имеет дело с человеком, писавшим «что-то» для «Молодой гвардии», отказало в приеме книги (это было в 1933 г. Рукопись о японской армии даже не была затребована от автора для ознакомления).

Редакция «Знамени» пошла к делу по-локафору. Результат: появилась интереснейшая книга о японской армии, книга, по-новому освещающая эту армию и для невоеннолюбивых читателей. Книга буквально открывала армию вероюющего противника. (Весь не очень многие литоварицы прочли в БСЭ статью о японской армии, статью некорректно полновесную).

Буду передавать содержание книги и свои впечатления так как они возникли по мере чтения, — уже потом передаю к анализу.

С первых же страниц подкупает искующий ввод в атмосферу, фактуру Дальнего Востока, Манчжурии

в частности. Автор достигает этого блестящим описанием величественно сумрачного пейзажа. Некоторая верная приподнятость переданной китайской речи, проработанная ее манера, лаконич и холоден японских разведчиков — сразу показывают хватку писателя, его уверенность. С нарастающей тревогой в деревенский манчжурский япон вилетено первое появление японских войск.

Стиль японских действий вскрывается остро и иронически-метко, шаг за шагом. Внимание переносится постепенно на нутро японской армии, — и, верный этому принципу, автор почти не выходит из рамок исследования политико-морального элемента японской армии. (Насколько это верно, скажем далее). Автор вводит читателя в тайны строевой и воспитательной работы, в агентурную систему (частично), в среду офицеров и солдат Японии. На облегающей — «кванзональной манере» — сюжетной канве он показывает многие видоизменения, происходящие в армии, попадающей в боевые условия уже не в 1904-05 г., а в условия нового типа, в условия новой войны, в условия новой борьбы в Манчжурии, сочетающейся с острой классово-политической борьбой, сражающейся японский тыл.

Рубинштейн сообщает о том, как подготавливалось, росло и развивалось в рядах «самурайских» рот. И именно эти стороны произведения Л. Рубинштейна делают его работу принципиально более высокой, чем все доселе появлявшиеся на данную тему.

Я считаю, — и это мнение и некоторых других военных работников, — что «Тропа самураев» — ценная военно-политическая познавательная своим элементом. По бедности наша литература могла предложить на тему о японской армии лишь «Подвиг Б. Ладина» — произведение талантливое, но по сути не военное. «Подвиг» был специфически литературен, однобок, узок. «Подвиг» мог и неверно ориентировать: у врага-де одно оружие, гниль, трусость да ловкость рук. Это примитивизм, из которого в свое время не могло выделиться представление о русской армии — «железные кулаки». У нас много нет, изучения и познания противника. С этим методом Л. Рубинштейн позанимался на деле в ОКДВА, и собранный тогда и позже материал он реализовал в 1933 г. в полезную книгу.

Проникновение не только в уставную, но и сокровенную сущность системы японской армии выделяет «Тропу самураев» из всей серии наших «японских» книг, очерков и т. д.

Принципиально-литературное достоинство «Тропы самураев» — удачная борьба с «султаном» в изображении Японии: с экзотическим уклоном (Пильняк) и уклоном упрощенческим (Ладина).

Центральный уклон «Тропы самураев» смело заявлена проблема классового расслоения японской армии. Количество десятков и сотен случаев, подмеченных писателем своим глазом, переходят в качества: в колебания политической и боевой устойчивости армии, на которую устремлены сейчас многие пристальнейшие взоры. (Любопытно: одновременно с выходом «Тропы самураев» в японском парламенте и прессе тревожно разбирают дела 10-го и 7-го тяж. арт. полков, где вскрыты коммунистические организации и подготовка к восстанию).

Л. Рубинштейн в показе противника вместе с тем не «убоялся» вскрыть и его силу, мощь его военной организации, необычайную трудность революционной работы в армии, дисциплинированность и политическую неуступчивость солдат, одновременно — их бытовую культуру, чистоту и вежливость и т. д.

В целом произведение оставляет хорошее впечатление. Оно не толкает к подципным и упрощенным выводам.

Необходимо, расширяя и углубляя оценку, коснуться и тех сторон, которые безусловно — а иногда спорно — должны быть названы слабыми.

Устремляясь к детальной, иногда буквально волосной вырисовке фактов, штрихов, норм, обычаев армии и т. п., — автор упрощенно подходит к вырисовке живых образов. Часто эти образы лишь лезы авто-

ра: рабочий, крестьянин, интеллигент, мещанин, дворянин. Безусловно, уходясь центральным образом — образ японского солдата — сфайтора, до конца верного императору. Великолепна деталь: в плену у манчжурских повстанцев этот сфайтор, раненый, даже не открывает глаз, чтобы не видеть «грозный китайский сброд»; он оскорбляет зрение японского солдата.

И тут же неизбежные промахи: образ японского «аса», летчика, который дан неким российско-американским ухарем и страным, удалым в Европу сменовоиском. И зрение, и слух — все тут изменено автором, и он сфабриковал неминуемо. Будем говорить терминологически: что типично сейчас для летчиков Японии? Тщательный социальный отбор. Необычайная медленность в освоении материальной части авиации; частые аварии; недостаточные психо-физические данные для наиболее трудной летной службы (распространена у японцев близорукость и пр.). Все это усложняло почему-то из поля зрения Л. Рубинштейна; типичное исчезло, поэтому перспектива, ориентация читателя на этот ученик не верны. Нет типического, верного, аналитического и в показе манчжурских партизан.

Местами автор шеголет терминологией (например в описании агентурных систем). Было бы полезнее за счет этих терминологических излишеств дать ряд успешных японской манчжурской армии к боевым действиям против СССР: тренировки на холоде, премия за отказ от наушников, теплых вещей, учебные занятия в 25-30 градусный мороз и т. п.; тренировки на русский харч, постепенное приучение к щам, черному хлебу, каше — а расчете на заурядность доставки японского довольствия; тренировка на быстроту, выполнение всех приказаний и поручений бегом, стремление к выгрызу в походной и маневренной-оперативной скорости.

Л. Рубинштейн, — и это его существенный недостаток — ограничился лишь своим материалом. Поэтому многие весьма существенные стороны произведения, имеющие значение для других источников, он упускает, а они как раз и имеют прямое отношение к проблемам произведения. Упомяну, к примеру, проблему прессы. Нельзя в период исключительного напряжения японской военно-шовинистической прессы (Хирата и пр. и пр.) изображать постановку дела таким образом, что японский солдат лишен и книг и газет, а так у Л. Рубинштейна выйдут.

К замечаниям военно-политическими я бы прибавил также. Рисунки интерналы для советской литературы (и это обязывает) японскую армию в широком действии, нельзя обходиться молчаливым комплекс условий, факторов, приведенных сейчас эту армию в действие. Манера построения отношений героев, «сюжет» держат автора в весьма ограниченных стратегических, оперативных рамках. Автор не решается сойти с позиций рассказчика о своих «действующих лицах». Если он касается тайлов, то обязательно мотивирует это тем, что в тайл едет тот или иной герой. Вообще события определяются, главным образом, сюжетным развитием произведения. Судите сами: из произведения начисто выпадает тема СССР (!) — Поход в Манчжурию, таким образом, дан без его корней, без его военно-политических целей.

Весь сегодняшний комплекс, питающий японские идеи, в произведении отсутствует. Автор упускает только одно: показывает судьбы героев. На выход за эти пределы он не решается. И за эти пределы он остается следующим: «Великая Япония», по мысли идеологов-завоевателей из Токио, должна распространиться от Камчатки через Приморье до Байкала, включить далее Монголию, Тибет, Китай, Индию и западную границу своей дойти до Турции, а южной — до Австралии.

Необходимо было в книге показать, как в японской армии делается военная дисциплина и обязательность такого расширения. Точке зрения противника надо противопоставить наш анализ об-

становки, в частности тихоокеанской. (Новые узлы отношений, экономическое значение — азиатских стран: если каждый китайц купит на 1 ярд больше материи — решена проблема текстиля Англии; рост техники и рост скорости, делающие Тихий океан доступным насквозь для операций флота и авиации; превращение азиатской и австралийской зоны в объекты волежеланий империализма Японии; втягивание в тихоокеанскую борьбу большинство человечества).

В свете соединенного анализа явлений материя об армии, движущие силы не «в» Манчжурию, а, главным образом, «через» Манчжурию, «от» и «из» нее, как из переправы, — приобрел бы черты тройной ценности.

На эти замечания есть возражения: «Но ведь автор не задавался целью...» и т. п. «Он хотел только...». Вот именно и надо «задаваться целью!» Где-то уже смыкаются области научного, в частности военного, знания с областью литературы. И если при военно-научном анализе армии нельзя пройти мимо комплексной проблемы, охватывающей ее качества и устремления, то, очевидно, характер и масштаб ряда литературных военных произведений обязывают к тому же. Время само снимает отговорки писателя и требует новой методологии, более выверенной и менее «свободной».

В литературном плане, формальном плане Л. Рубинштейн весьма неровен. Блестящие пейзажные и портретные куски чередуются с сухими газетно-протокольными записями. Интересный замысел, акцент в свое произведение две полупародии на «экзотистов» (англо-африканского типа) и «упрощенцев», побить их в целом самой же своей книгой — формально не вытнут. Полупародии в стилизованном отношении не вышли: в английских и американских «Magazin» пишут иначе.

Именно эти недостатки, сразу лишающие вещь дополнительной литературной бедности. Нет блеска, ритмичности, уверенности, формальной «сделанности». Отсюда, наястро ко всем выгодам, опущение мозаичности всей вещи в целом. Форма, таким образом, истин автору. То блестящая запись, детали; то сухая жвачка; то глубокий анализ, то скольжение по поверхности. Объяснения понятны: работа на «чужом» материале, недостаток органического наблюдения; пользование, очевидно, прессы, дневниками, письмами и пр. (косвенный метод).

Но это только объяснения. Вполне закономерно желание видеть «Тропу самураев» лучшей, чем она есть. Не для ритуала же мы говорим о большой литературе, о том, что является больше, неожиданное, острое произведение.

Л. Рубинштейн, вероятно, сможет учесть некоторые советы; я знаю, однако, как трудно переделывать и «исправлять» написанное произведение. Поэтому советы и замечания в большинстве случаев не толкают к доработке.

В ответ на социальный заказ партии и правительства в СССР за был мощный фронт изобретательской мысли, который должен быть художественно отражен на страницах современной литературы.

Создание изобретательской «Илиады» стоит на повестке. Н. В.

Из иллюстраций худ. Храповского к книге М. Горького «Русские сказки» (ГИХЛ).

В нашу эпоху невиданных темпов и колоссальных технических сдвигов рабочее изобретательство как высшая форма соросоревнования и ударищества должно стоять в центре внимания советской литературы. Один из полных героев «эпохи» — изобретатель, инженер, конструктор — писатель, инженер или рабочий-изобретатель, ничего общего не имеющий с тем чудачеством ученых, блуждающих взгляды которого не раз служили мишенью для насмешек как в западных, так и русских дореволюционных журналах.

Попробуем указать наиболее важные достижения наших изобретателей, которые наряду с примерами, приведенными И. М. Васильевским в его содержательной книге «Искатели и творцы», могут быть использованы как материал для увлекательных повестей и романов.

Из области технического изобретательства первое место сейчас принадлежит знаменитому шарлотковому поезду инж. Ярмолчука, способному развивать скорость до 500 км. в час, и аэропозолу Вальднера, рассчитанную на часовую скорость до 350 км. Как известно, эксплуатация этих конструкций произведет несомненную революцию в транспортном деле.

По мнению иностранных ученых, в том числе известного профессора Кулиджа, Благодаря трудам советского техника Свиницына в мировой науке наступила новая эра. Свиницын сконструировал аппарат для бомбардирования атома по доде неизвестному принципу.

Огромный интерес возбуждает также открытие двух комсомольцев Ларова и Ферфера. Эти «беззусые энтузиасты» не так давно пришли в кабинет к. Орджоникидзе и тут же на его письменном столе произвели отливку детали, которая обычно требует домночного процесса. Молодые искатели умудрились найти «соль» в тигле, возможность получить без аппарата температуру солнца (до 4000°) и открывающий путь к получению звездной температуры (до 14000°).

Из изобретений, которые могут скоро войти в обиход трудящихся, надо отметить говорящую бумагу Скворцова-Степанова. Она заменяет грамофонную пластинку и может быть использована для звучащей книги.

Большое внимание заслуживает применение принципов комбинирования в самых разнообразных отраслях народнохозяйственной жизни. За победным сельскохозяйственным комбинированием скоро вступают в строй дорожный комбайн Чикува, незаменимый при прокладке железнодорожных путей, и горный, необходимый в шахтерском деле.

Лет десять назад изобретатели в СССР насчитывались единицами, а сейчас их количество доходит до 800 000. По подсчетам Наркомтяжпрома, в среднем в год до 12 проц. всех рабочих вносят изобретательские предложения.

В ответ на социальный заказ партии и правительства в СССР за был мощный фронт изобретательской мысли, который должен быть художественно отражен на страницах современной литературы.

Создание изобретательской «Илиады» стоит на повестке. Н. В.

Один писатель написал длинную поэму на мотивы Гейне. Писателю этому казалось, что у него не только темы Гейне, но и гейневский язык. Он ошибся. Он принял в достатки вейнеберговских переводов за достоинство немецкого языка. Как часто наши писатели, работая на западные темы, повторяют стиль японских переводчиков, считая, что им вполне удалось чужого языка повторить.

Мы, писатели, плохо знаем язык, в том числе и тот, на котором говорим.

Особенно это незнание обнаруживается, когда писатель берется за историческую повесть. Сколько книг, повестей и новелл написано о России XVIII в., и написано «языком того века».

Создался стандарт имитации языка. Средства имитации несложны, и поэтому язык книги страшно однообразен.

Мы, языком XVIII в. языком по хрестоматиям, по изданной переписке людей XVIII в., по государственным документам, цитируемым в разных исторических трудах. Мы навью считаем все это подлинным языком. И вот в наших романах людях XVIII в. говорят не естественным разговорным языком, а тем условным языком, который в XVIII в. употреблялся лишь в определенных случаях. Они говорят так же, как и в настоящее время. Чем современнее им герои комедий Фонвизина. До какой степени Фонвизин писал проще и правдивее наших современных знатоков старого русского языка!

А в поэзии? Сравним поэту XX в. Вячеслава Иванова: «...Иственник небес иерихи...» «Открылась бездна звезд полна» Ломоносова. Насколько проще и понятнее нам Ломоносов!

Сколько дореволюционных писателей работало над теми же предметами России? Помните их стиль, их язык? Все герои — цари и бояре, и даже крестьяне — говорили минимым языком XVI и XVII вв. Это был язык приказов, деловых бумаг, который часто дитировался в исторических книгах. Писатели принимали приказники (лучше сказать книжные) язык XVII в. за подлинный разговорную речь того времени.

Автобиография протопопа Аввакума, написанная почти разговорным языком XVII в. Она нам понятна больше, чем все попытки приписать XVI в. к XX в. посредством стилизации.

Это все попытки реконструировать язык прошлого. Но и с современным русским языком писатель не везет. Создался еще до революции стандарт стилизованного крестьянского языка, ничем не напоминающий язык современного нам колхозника. Эти стандарты до сих пор используются. Они не дают сельскому пользователю (лучше сказать местному, которую обрисовывает: рязанские, тверские, псковские говорят одинаково. Но еще хуже получается, когда писатель хочет дать языку областную окраску: тогда рязанские начинают говорить в удовольствие читателю таким лапотным жаргоном, который совсем не напоминает рязанский говор.

Язык героя должен быть локальным, но это не значит, что он должен быть орнаментирован в стиле рязанского или псковского говора. Такое отношение к языку — рязанскому.

Нужно изучать язык в тех его основных вариантах, которые являются общими для всех говоров.

Изучение это не заключается в простом собирании словечек и речений. Потом в миге будет ясно видно, что они прилеплены. Многочисленность их будет утомлять. Вина наша в писательском самолюбии. Нам кажется, что мы настолько знаем общий строй русского языка, его особенности, что дело только в орнаментации: по-больше местных слов, по-больше, поговорок, тонкой отелки фраз — и вопрос о языке решен.

Тут нельзя не вспомнить писателя Клычков. В старых вещах, например в «Салахире», он показал себя тонким стилизатором, всевозможных языков, но это искусственное искусство было мертвым. Клычков работал уже не над русским языком народным, не над языком масс, а продолжал дело стилизации, исходя от предшественников-стили-

заторов, а не от живого и сильного языка деревни и завода.

Это отсутствие прямого непосредственного чувства языка Клычков блестяще доказал изданной в изд. «Academia» книгой переводов вогульского эпоса. Несомненно, что в языке народов, которые прежде назывались отсталыми — в языке вогул, нецзя, может обогатить язык писателя.

Это — способность к поэтической речи к предельной конкретности образа при исключительной краткости речи. Каждое слово в таком эпосе стоит, как вооруженный охотник, каждое слово напрягает мускулы. В переводе (вернее, в переработке Клычкова) каждое слово безвольно.

Клычков не понял особой роли эпизода в древних поэмах. Эпитет у охотков, вогулов и вогулков горладо активнее, чем думает Клычков. Клычков обратил эпитет в то, что в грамматике называли прилагательными. В подлинном языке охотников-оленьеводов и др. эпитет окружает слова, в Клычкова эпитет приложен к слову и висит на нем, как лишняя одежда.

Все его переводы засахарены сравнениями, уподоблениями, образами. Язык размагичен. Я привожу это для того, чтобы сказать, что задачи изучения языка слова, чужий язык, в их основах гораздо серьезнее, чем мы представляем обычно.

Часто у нас редакторы советуют писателю готовую уже повесть украсить народными речениями. Но ведь язык — это порядок подбора красок для повести.

Не в словечках дело, а в том, что самый строй нашего литературного языка, его пути должны обновиться сопереживанием с теми проблемами, которые решают слова. Мы о них мало знаем. Русский язык мы навью считаем тот литературный язык, который создавался и собирался русскими писателями, знавшими не всю страну, а ее центр. Одновременно на так называемых «окраинных» страны не в книжном языке, а в народном, разговорном, в фольклоре происходила подобный процесс создания и собирания языка. Язык этот вырос и создавался, но не проник в литературу.

Возьмем язык уральских рабочих. На Урале столетиями собирался, оставался, фильтровался язык сложный, богатый, во многом опередивший наш литературный язык.

Язык этот имеет все права принадлежать к нашей литературе. Он сформирован на широчайшей социальной арене. Тут и крестьяне, уходящие от московского правительства в уральские горы сохранить свои обычаи и язык, тут и первые заводские мастера, тут и первые рабочие, занятые в строительстве, тут и интеллигенция, связанная одновременно и с заводским пролетариатом и с дворянством. Тут и пугаевцы. И заводский пролетариат. И герои гражданской войны. Урала огромное активное прошлое. Замечательный язык и фольклор, в который за столетия вошло много от сказки и анекдота XVIII в. и от социальной сатиры пролетариата.

И кроме громадного своеобразия языка — столько здесь жарнов, каких не знала наша этнография, изучавшая более отдаленные от социальных бурь степные страны, места, где язык скучен и ленив, как вода в пруде.

И отсюда отношение к фольклору скучное, как паломничество в Книжку-Горюху. У нас есть и при миллионном звоне колоколов русской речи представляется тот неколлективный приличный Китяз.

Отсюда часто страшная консервативность некоторых наших редакторов, которые, требуя от писателя современной темы, бывают весьма рады, если эту тему им подадут в обшественном футляре бархатного спекотного языка.

И как часто удивляют их новые, внесенные из живой речи формы. Давайте учиться языку народов СССР. У нас исключительные возможности. Через сто лет о многих чукотских и вогулских певцах, современных нам, будут писать, как пишут сейчас о Гомере.

ВСЕВОЛОД ЛЕБЕДЕВ.

ИЛЬЯ ЗРЕНБУРГ На западном фронте ПОЛЬ МОРАН

Поль Моран говорит об одном из своих героев: «Он походил на всех молодых европейцев 1930 г., — у него была красивая голова южного американца на техках представительстве Северной Америки». Судя по портрету, мы можем отнестись к самому Полю Морана к этим идеальным представителям европейской культуры, тем паче, что живописный образ легко поддается расщеплению: романтические головы держатся на впаде деловых плечах, и поэзия никак не мешает дивидендам.

Поль Моран начал с мечтательной улыбки. Вряд ли кто догадался о существовании плеч. Только в министерстве иностранных дел знали, что поэт с необузданной фантазией является исполнителем секретаря мадридского посольства. Слобы горячо приветствовали молодого поэта, воспевавшего различные, отнюдь не «поэтические» дела.

«Между колоннами биржи плывут слезки. Приказы — это пастушеские симфонии. Ценности опускаются и поднимаются».

Водох молодой груди. От рева биржи Поль Моран переходит к многообразной типичности кабинетов:

«Директор вертится в такт своим замыслам. На вращающемся кресле. Одна рука — собеседнику. (Широко, чтобы создать атмосферу). Обед, чтобы закончить сделку. Другая рука — к плану. В разрезе

Мексиканского канала — Выслыжана, полного розовой водой».

«Я не знаю, как именно жил в те годы молодой секретарь мадридского посольства, но я знаю, как г. Поль Моран, начиная свое «служебное поэма», мечтает о красивой женщине».

«5000 долларов — тому, Кто докажет, что можно услышать хотя бы одно слово На заводе, Когда изготовляют трубчатые котлы».

Череп разрывается под вертлявыми котлами. Я люблю это. Я несусь со скоростью воздушной железной дороги. Я приглашаю моих друзей с помощью мегафона».

Я обледаю стая. Биржевые котировки размазываются на полу. Я люблю это. Тем временем моя жена На черном диване Подставляет свои груди Подруге».

Эти стихи были напечатаны в 1920 г., и они представляют один из первых опытов «производственной поэзии». Господи буржуа восторгается миром. Все ему нравится: и конвейер, и акция «Рояль-Детча», и уточненные забавы его просвещенной половыни.

Пятидесят лет назад подобные поэтические эскисы порождали своей формой: терминами, образами, монтажом. Стихи Поля Морана нашли поклонников скорее среди молодых литераторов, нежели сре-

ди солидных биржевиков. Вскоре Поль Моран перешел на прозу. Некоторые приемы кино он сумел приложить к повествованию. Первый сборник его новелл «Открытая ночь» был встречен как «революция в литературе». Это объясняется не столько художественной смелостью автора, сколько состоянием умов и сердец в послевоенные годы.

Разгул смешивался с отчаянием. Так получались первые коктейли. Так получались и салонные «большевишки», которые путали Октябрьскую революцию с синкопками джаза. Проекты небоскребов, стихи Кокто, ступля, на которых никто не мог стоять, культ фрейдизма и ожидание быстрой катастрофы — все это подавалось, вместе с коктейлями, как «революция духа».

Американизация была и непомощное развитие техники требовало иного стиля. Но люди, отмыв грязь оков, мечтали прежде всего об отдыхе. Они начали флиртовать с подвешенными краями. Они выдвигали межзвездную попытку приключения на улице. Потом пришли танки и танкисты. Потом появились танки и танкисты. Потом появились танки и танкисты. Потом появились танки и танкисты.

Романтическая голова на солидных плечах отличалась смекалкой: Поль Моран быстро пошел в гору. Искусство, которое в России называли «левизна», роилось залогом до этой эпохи. Оно как бы предвидело и танки, и конвейер, и кризис, и ущерб человека. Лучшие поэтика кубистов относятся к 1910—1920 гг. Гийом Аполлинер, который является последним «левым» поэтом Фран-

ции (а может быть, и вообще ее последним поэтом), умер в 1918 г.

После проколов пришел дельфин. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки.

Их перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки.

Их перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки.

Их перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки. Они перенесли кубизм с картин на танки.

что расцвет техники в СССР совпал с глубоким социальным переворотом. Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

Что касается Поля Морана, то он охотно влезал за выполнение «социального заказа». Добрых дел не увеселял он своих читателей. Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

Советские поэты и художники умело избежали роли и незначительных мучеников, и вполне признанных декораторов, устанавливающих в будоража кресла из стальных трубок, или же романтизмом, несколькими новыми образами обывающих подозрительную эротичность этих американизированных будорагов.

мисных декораций. Любопытны порывы над миром в самозабвении. Любопытны порывы над миром в самозабвении. Любопытны порывы над миром в самозабвении.

ОЧЕРЕДНОЙ ПРОВАЛ

Как нам сообщают из Парижа, последние спектакли трагедии Шекспира «Кориолан» в «Комедии Франсез» сопровождалась бурными политическими демонстрациями. По распоряжению правительства «Кориолан» снят с репертуара.

«Литгазета» в одном из ближайших номеров поместит статью, издающую поучительную историю фашистской обработки «Кориолана».

ГАМСУН И ДЕГЕНХЭМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Английский городок Дегенхэм свято решил блюсти общественную и семейную мораль. Именитые граждане и городское самоуправление решили принять меры против Кнута Гамсуна.

«Это превосходит все границы», — постановило городское самоуправление. Несмотря на неоднократные протесты абонентов и отцов семейств городская библиотека до сих пор не изыла «Бродяг» Кнута Гамсуна. Эта беззастенчивая книга, которой нет места ни в одной добродетельной английской семье, подлинно не может фигурировать в каталоге городской библиотеки.

Книга изъята из библиотеки, но виноват во всем... переводчик. Когда в 1928 г. К. Столетню рождения Генрика Ибсена одно английское издательство занялось переизданием драмы «Кукловод дома», то переводчик на свой собственный страх и риск решил изменить конец. Нора успокаивается и возвращается обратно: happy end, и английский отец взрослых дочерей удовлетворен Переводчик «Бродяг» не догадался гамсунского вечного мученичества Августа «подчиняется» под благоприятного Доббинса «Ярмарки тщеславия» Вильяма Теккерея, и книгу постигла печальная судьба...

ЛАПЛАНДСКАЯ ПОВЕСТЬ

Анта Пирак, лапландский писатель, написал на лапландском и шведском языках повесть «Кочевник и его жизнь». Анта Пирак рисует суровую жизнь и примитивный быт шведских лапландских кочевников. Хотя он и отзывается восторженно о «шведском христианском правительстве» (во главе министерства религиозного культа стоит «левый» социал-демократ Энгберг) и замывает колонизаторскую деятельность «шведских христиан» в далекой Лапландии, но все же должен признать, что протекторат между оседлым населением и лапландскими кочевниками достигли большой напряженности. Попытка создать лапландские рабочие поселки оканчивается неудачей, молодежь этих поселков бежит к модам, гонимая туда административным произволом шведских властей.

„УМИРАЮЩИЕ БИБЛИОТЕКИ“

Так называется книга Р. Л. Дюффла (изд-во Хутон Миффин К, Бостон), посвященная катастрофическому закрытию американских публичных библиотек в результате депрессии. Автор обследовал библиотеки десяти крупных центров: Детройта, Чикаго, Индианаполиса, Луисвилля, Нью-Йорка, Балтимора, Ричмонда, Бруклина, Спрингфилда и Нью-Йорка. Выяснилось, что муниципалитеты даже не пытались отпустить хоть какие-нибудь средства для пополнения библиотечных фондов, и, таким образом, «книжный голод», во выражении автора, достигает в библиотеках США невиданных размеров.

Литература Северного Края

МЫ ДОСТОЙНЫ ЛУЧШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Все болезни, которыми в свое время страдала и отчасти страдает теперь вся советская художественная литература, в северной литературе получили необычайно острые очертания. Несмотря на количественные и качественные сдвиги краевая литература отстает от требований культурно растущих трудящихся масс. Отставание особенно заметно в мастерстве. Ведущие участники социалистического строительства в Северном крае — лесная промышленность, социалистическое животноводство и др. — нашла в краевой литературе очень слабое художественное отражение. Немногие произведения наших писателей на эту тематику («Зажиг» Сидоренко, очерки А. Язлакова, «Ленинские искры» Е. Тврдова и др.) надо признать малозначимыми. Краевая литературно-художественный журнал был художественно настолько, что рисковал повредить читателю.

Чем объясняется это отставание северной литературы? На этот вопрос отвечает решение Северного краевого комитета ВКП(б) о состоянии и задачах литературного движения в крае. В самом начале его читаем: «Решение ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций создало все условия для широкого роста литературного движения и литературно-творческой работы советских писателей — участников строительства социализма. Эти условия далеко не использованы, и перестройка литературно-художественных организаций в крае проведена совершенно недостаточно».

Со времени исторического решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. прошло достаточно много времени, чтобы реализовать его даже на далеком Севере. Но краевой оргкомитет ССП не сумел объединить вокруг себя творческие силы края. Для северного писателя товарищеская творческая среда не была создана. Оргкомитет ССП запустил работу с литераторами и молодыми авторами. Вот главные причины, вызвавшие недопустимое расхождение между художественной литературой Севера и непрерывным ростом края. Приезд бригады всесоюзного Оргкомитета ССП (И. Молчанов, Арт. Веселый и Гл. Алексеев) и постановление крайкома ВКП(б) вызвали заметное оживление в литературном движении края. Повысился интерес краевых общественных, профсоюзных и хозяйственных организаций к художественной литературе. Крайрофсоюз принял специальное решение об усилении руководства литературными кружками на предприятиях. Совместно с крайрофсоветом Оргкомитет ССП прорабатывает сей-

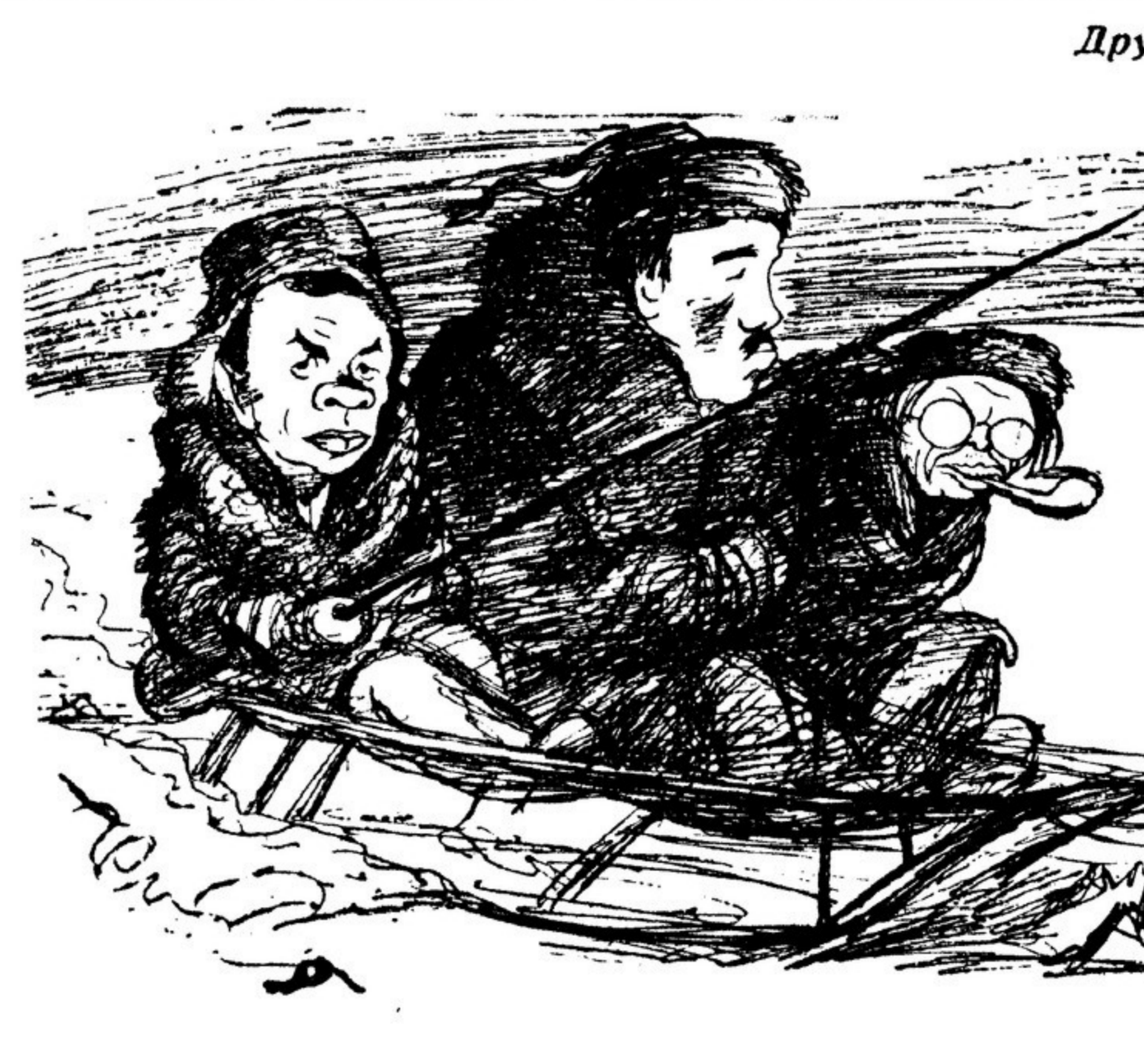
ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ ЭПИЛОГ ПОЭМЫ „ЛЕДЯНОЙ ДРЕЙФ“

Архангельск. Июль. Духота. И рощерки молний над вышкой. Где кров мой, где гром неспроста. Скрутив облака и с отглышкой. По улицам пыльным пройду, Покрыл злетев за огородом Косую стреловую дождя И крупным дамынящим градом. Обладо прохладно лип И свежестею простын тонкой, Но со мной улаушник, как всхлип Больного ангиной ребенка. Во льдах, где ни сесты, ни проиты, Стоя я с Альбановым вместе. Здесь десять погнби в пути, Двенадцать пропали без весты. Наплывали мысли в мозгу Выдымались за грани событий,

теперь похожи на чек без покрывала. Ирен всхлиывает. Левис ее настаивает: «Не живите на капитале ваших нервов». Тогда Ирен покидает восточные ложи и уезжает, не оставив адреса. Опечаленный Левис получает телеграмму: Ирен предлагает ему приехать на остров Корфу. Он тотчас же садится на пароход и, увидев Ирен, готовится к объятию. Но Ирен сурово заявляет: «Наши счета ликвидированы». Выясняется, что Ирен вывела Левиса исключительно для делового разговора. Банк Апостолатоса хочет переписать серые акции «Франко-Африканскому банку», во главе которого стоит г. Левис. Роман кончается мудрым эпилогом: по биржевым слухам, банк Апостолатоса сливается с «Франко-Африканским банком». Это звучит как «союз души с душой родной», и Поль Моран в изнеможении творца, достигшего, наконец-то, гармонии, роняет самопишущее перо. Я никак не хочу представить Поля Морана как грубого материалиста: ни он, ни его заказчики не забывают о величии духа. Желая написать историю современных Ромео и Джульетты, Поль Моран прибег к суровой поэзии биржи. Зато, когда ему предложили написать книгу, расхваливающую деятельность воздушной линии Париж—Бухарест, он решил заняться судьбойной душой. Размах этого писателя возмущает читателя от Декобра до Достоевского. Книга, прославляющая авиационную компанию «Сидна», называется «Стрела Востока». В ней идет речь не только о достоинствах самолетов, но и о знаменитой «славянской душе». Начинается все в Париже. Русский эмигрант князь Дмитрий Кутушев обещает со своими приятелями. Один из собывальников рассказывает, что самолеты «Сидна» совершают перелет Париж—Бухарест в один день. Князь Дмитрий не верит. Заключается пари: тот, кто проиграл, должен «слетать» в Бухарест за фунтом икры. Проигрывает князь Дмитрий. Нечего делать: остаток ночи он пишет, а утром вылетает в Бухарест за икрой.

ЛИТЕРАТУРА НЕНЦЕВ И КОМИ

Бюро Северного крайкома ВКП(б) постановило приступить к изданию в 1934 г. двух дуплетных выпусков трудов о литературе северных национальностей — ненцев и коми. Северному краевому ОГИЗ предложено включить обе книги в план этого года. В Архангельске состоялось совещание писателей, научных и общественных организаций, которое выделило организационное бюро для связи с Академией наук, Институтом народов Севера и Комитетом Севера при ВЦИК, а также для разработки всех связанных с изданием впервые на русском языке богатейших материалов двух народно-

БРИГАДА ОРГКОМИТЕТА ССП (т.т. И. МОЛЧАНОВ, АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ, ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ) ИЗУЧАЕТ ВВЕРЕННЫЙ ЕЙ КРАЙ

ЧТО ДЕЛАЮТ ПИСАТЕЛИ СЕВЕРА

- В. Жилкин заканчивает повесть «Ледяной дрейф». Пишет ряд стихов о сожжках Севера по материалам поездки с бригадой краевого оргкомитета в Холмогорский район.
Нат. Болотова готовит к печати (Севозиздат) сборник стихов с предисловием Ив. Молчанова. Пишет стихи о лесозаготовках.
Пая Пунух закончил повесть «Не по шаману» (напечатана в альманахе «Шагет Севера», выпущенном к IV краевой партконференции). Том повести П. Пунуха подготавливается к печати в МТП.
Виктор Панов (автор романа о лесозаготовках, выходящего в издательстве «Советская литература») закончил роман «Волчий дым».
Бригада северных писателей с бригадиром молодым писателем Аурумовым в начале февраля выезжает на суда Морзверпрома на годовую контрактацию. О поездке будет написана книга о морской путье.
Журнал «Звезда Севера» в 1934 г. объявил конкурс на лучшую повесть или рассказ на тему о реконструкции Северного края.
Молодой поэт А. Яшин работает над поэмой «Высокое давление» (о Вологодском паровозоремонтном заводе).
Вас. Сидоренко работает над романом «Горные ключи».
Мих. Запрудный написал книгу очерков «На Ухте», разрабатывающую проблему ухтинской нефти.
В 1934 г. исполняется 25-летие литературной деятельности старейшего писателя коми Тима Вень (Чисталев).
О его творчестве «Звезда Севера» печатает развернутую статью г. Ив. Оботурова.
Георгий Шелест, автор партизанских рассказов, готовит к печати сборник новелл «Четыре раба».
К IV краевой партконференции краевой Совиздат выпустил альманах северных писателей «Шагет Севера» и книгу стихов Ивана Молчанова, посвященные партконференции.

„ЗВЕЗДА СЕВЕРА“ НА ПУТЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

В связи с постановлением крайкома партии о коренной реорганизации литературно-художественного журнала «Звезда Севера» с января 1934 г. начинает выходить по-новому. Из узко писательского журнала, нередко заполненного сырым и незначительными по социальному размаху и художественности вещами, «Звезда Севера» становится подлинно массовым и художественным журналом реконструкции Северного края.

В журнале введен целый ряд новых отделов: истории гражданской войны, истории фабрик и заводов, научный отдел, отдел Арктики, хозяйства Севера, устанавливается крепкая связь с литераторами Северного края, вводится постоянный отдел нац. литературы и критический.

Старое руководство журнала во главе с Сидоренко и Гиничевым не оправдавшее возложенных на него задач снято. Новая редакция «Звезды Севера» утверждена в составе т.т. Н. Попова (отв. редактор), А. Серебрянникова, Г. Динова, В. Жилкина, Пая Пунуха, Анисимова, Островского, Ал. Яшина и Васильева.

Журнал привлекает к постоянной работе московских и ленинградских писателей, творчество которых связано с северной тематикой. В первых номерах журнала будут напечатаны произведения Ив. Молчанова, Гл. Алексеева и Арт. Веселого — членов северной бригады Оргкомитета, поэма Василия Каменского «Золотой фольг о лесах и людях Коми», отрывки из романа Ал. Зуева о северных интересах, северные рассказы Ник. Зарудина и Пильника, повесть об Архангельске Елены Тагер.

КНИГИ

А. Дроздов „ЗИМА НА ТИХОНЕ“

Повесть Дроздова несет на себе груз нескольких тем, из которых каждая могла бы быть основой самостоятельной повести или романа.

Борьба рабочих за выполнение промфинплана и ликвидацию промыва, показ формирования новых людей — тема значительная. Но автор сделал центральной тему столкновения людей капиталистического мира с людьми, строящими социализм.

Для немецких мастеров — Оверзат и Шиммель приезжают на фабрику «Кречет» для монтажа импортного оборудования. Убедившись в успехах пятилетки, беспартийный Оверзат становится энтузиастом социалистического строительства. Он уезжает домой боржом за советской Германию. Реформист и мешанин, христианский социалист Шиммель увидел только временные затруднения социалистического строительства, а победы пятилетки встретил с недоверием и скептицизмом.

Не менее важный герой повести — старый рабочий Фокин: герой труда отец целого поколения proletариев подлинный социалистический хозяин. Но его сюжетная линия развивается независимо от темы Шиммеля — Оверзата.

Его образ — самый удачный в повести. Остальные герои сделаны гораздо беднее и схематичнее.

Повесть изобилует стилистическими небрежностями: «Курьерский голос» «Немногий унылый нос», «Допотопная машина резинготом — старая генеральша, гремящая пресокладительными костями под ударами советских пальцев», «Солнце напучило желтую занавеску на окне» и т. д. Попадают образы с налетом дешевой красноречия: «Волосы прыные, как динозавр корка», «Иней лежал на деревьях летучим рассказом о красоте мира» и т. п. Немало языковых небрежностей: «На фронтах пятилетки шла напряженная борьба, а она имела вид трагического листка», «Сосны и ели кидались в объятия, звериона замыкая их». Книга засорена газетными

шаблонами: «Снег окутал горячие инниалы СССР», «Гнев гранаты разорвался в нем», «Рассказ, который должен ударить в раскоряченную грудь раба» и др. Из-за недостатков стиля и схематичности образов повесть не поднимается выше среднего уровня. Б. М. «Советская литература», 1933, стр. 142, тир. 5250, п. 2 р. 25 коп.

музей Бодре и маленькой Розы сводятся несчастья испытанная: дирекция парижской Оперы выслала из Москвы танцовщицу Василию Кандинию. Об этой несчастливой Василисе Поль Моран рассказывает и спрашивает цыган: «Сказки, Ионика, кто тебя научил «Алаверды»? Цыган отвечает: «Генерал Волдики. Он взял меня на войну, и я ему пел эту песню, когда бывала гроза — генерал боялся грозы». «А потом под твои песни танцевали дюжины народных комиссаров!» Зесь князь, расчувствовавшись и охмелев, вспоминает свое прошлое: «Делушки в дворянском мундире пометье с деревянным дворцом эпохи Александра I, волочный завод, фабрика рафинада, базар с еврейми в черных тулупах и дошаде, которых запорожцы приносили к берегам Дона». Воспоминания приводят потрясенного князя в церковь, где он усердно повторяет: «Отче наш». После чего, будучи загодичным русским, князем и родственником рыжего Монгола, братом содержателя монмаретских шаширлы «Барышня», однако, не хочет слышать о скитерте: она принесла с собой ложку, чтобы есть. Барон объясняет озадаченным гостям: «Это, как в Москве». Дикую москату цыгане смущает все: и блюда и пальты, и этикет. Особенно ее смущают смех присутствующих. Она робко признается барону, что в Москве она никогда не видела человека, который смеется. Продолжая свои признания, Василиса говорит: «Я и не подозревала, что капиталисты, будучи злыми, могут в то же время быть веселыми». Французы начинают поносить князя над Василисой, но князь плачься гордо заявляет, что в Москве «все люди верят в свое дело». Барон Кляше охотно с ним соглашается: «Да, да! Во время врангелевского похода я выдал в подольских деревнях костры. Девушки прыгали и кричали: «Хороший урожай! Много плодов и мало листьев!» После духовных разговоров веселое общество переходит к шаманскому. Зесь выясняется, что примабодерня ма-

сковского Большого театра никогда не видела бутылку с шампанским: «Она начала грызть пробку от шампанского, приняв ее за один из тех больших грибов, которые в России подают на закуски». Злоба по поводу того, что особа, настолько первобытная, вносит некоторые изменения в жизнь парижской Оперы. Француженка Роза Сури возмущена. Она, например, видит, во что превратили артистическую уборную гости дикой Василисы: «Люди лежали на диванах и даже на ковре... На полу были раскиданы рюмки, чашки, крошки печенья... Это становище камышовые, которые варят чай в уборной, доселе посещавшейся лишь цветом французского общества, показавшись Розе невыносимым и, главное, опасным. Эти русские спят, едят, как будто они у себя дома. Роза больше не сомневалась: перед ней была комьячица, готовая разрастись, и как она пошла в Париж, об этом Поль Моран умалчивает. Зато с нескрываемым восторгом он повторяет лезвие Розы: «Лучше три неща, нежели один русский». Зесь четырнадцатилетняя танцовщица начинает высказывать суждения многих государственных умов Франции, и впервые читатель понимает, что перед ним не Роза Сури, но Жанна д'Арк. Роза Сури решает на подвиг: она хочет спасти Францию от большевиков. Для этого необходимо прежде всего покончить с Василисой Кандинией. Сначала Роза мечтает романтически о княжале, но быстро она переходит к современной технике — она вынимает подпорки танца: Василиса упадет вниз и разобьется. К сожалению, музыка исполняет не «Марсельезу», но «Смерть лебедя». Василиса падает вниз. Правда, она не умерла, но ее подобрали с переломанными ногами: Роза Сури сделала свое дело. Она спасла мадемуазель Бодре от опасной конкурентки, а прекрасную Францию от камышков и комьячики. Жанна д'Арк, она же Роза Сури, возвращается домой с мадемуазель

Бодре. Ночь. Листва деревьев. Поэзия. Сердце Розы замирает, и в восторге она говорит мадемуазель Бодре: «Это я раскрыла трап!» Не следует смеяться над над хворабой Розой, ни над Полем Мораном: у них очень романтичные головы, но у них очень реалистичные души. Может быть, Поль Моран и не знает московских танцовщиц, но он знает вкус и взгляды своих достояваемых читателей. Шута, он науськивает и, кокетничая, он клеветает. Он понял, что эпоха завеса миновала. «Ночи» остаются ногами, но банки не всегда остаются банками. Даже за румынскую икру надо выкладывать монету. Безработные вскруж джания Оперы куда не приятней калмычки-Василисы. В щетоб салонов вмешивается гул демонстраций, и престелные дамы увлечены куда больше судьбой прелекта подины Кляппа, нежели «неожиданными ассоциациями» или любовью в Сиаме. Поль Моран с красной тетрадкой Левиса и с коллекцией «ночей» хочет стать суровым «спуртанином». Много лет назад, отлучившись от жизни, он завещал сделать из его, Поля Морана, «циркусы» дорожный чемодан. Теперь он относится к уда любовной и осторожной к этой самой «шуре». Он печатает статью в фашистском журнале, и он говорит напрямки: «Нам надо спасти нашу шкуру!» Как человек толковый и деловой, он соображает, что время бесценных анекдотов миновало. Он, однако, не понимает, что миновало во время Поля Морана. Он хорошо выполняет свое назначение: он веселит и забавляет в те годы, когда его читатели еще могли веселиться. Фашистам он не нужен. Они презирают и «свообразные образы» и «галантиные истории». У них имеются свои забавы: костры, на которых они жгут книги, военные парады, законы о стерилизации и оды в честь «фюрера», «дуче» или «шефа». Конечно, Поль Моран настолько всеобъемлющ, что он может переменить не только тему, но и ремесло. Однако это лежит уже вне литературных оценок.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКА А. КУПРИНА

Кремль (масло)

12 февраля в выставочном зале «Всеххудожника» открылась большая выставка одного из крупнейших советских живописцев — художника А. В. Куприна.

На выставке показаны все творческие работы художника от буржуазного формализма до советской живописи. Выставка, содержащая 125 полотен, охватывает творческий период с 1909 г. до наших дней.

Особенное внимание посетители привлекают работы художника по заводской тематике, в которых Куприн неуверенно пытается найти более новые, чем например, в многочисленных бахчисарайских пейзажах, решения.

За последние годы художник много работал на заводе: Днепротрестом, металлургическом им. Молотова, «Серп и молот» в Москве, библиотечных нефтяных промыслах и т. д.

КНИГИ В ГРАНЧАХ

★ Пятитомник Пушкина, издание которого ГИХЛ закончил в 1933 г., уже распространен. Решено переиздать этот пятитомник в новом, лучшем оформлении. В новом издании пятый том ввиду громоздкости будет разбит на две книги. Первые четыре тома уже сланы в производство. Издание всех томов будет закончено к всесоюзному съезду писателей.

★ Монография о Флоре написана Т. Перминова. В этой работе автор пытается дать марксистский анализ творчества Густава Флора. Монография построена на анализе основных его вещей: «Малам Бовари», «Саламбо», «Воспитание чувств», «Искушение святого Антония», «Бунтарь и Пенюше». Специальные главы посвящены темам: мировоззрение Флора, Флор как художник и теоретик искусства; Флор и буржуазная критика и, наконец, историко-литературный анализ Флора. Монография выдана ГИХЛ в этом квартале.

★ «Большой конвейер» Я. Ильина будет напечатан в № 2 «Романа, газеты», который выйдет в феврале.

★ 30 лет назад М. Пришвин написал одну из своих первых книг «В стране непуганных птиц». Это книга очерков и рассказов о тех местах, где сейчас построен Беломорско-Балтийский канал. О Беломорском М. Пришвин написал новые вещи. Эти новые очерки и часть старых составят книгу «Отцы и дети», которая будет издана в ГИХЛ. В нее войдут: «От Петербурга по Повению», «Лес, вода и камень», «Волнения», «Ловцы», «Первая былина», «Колосники», «Колдуны», «Выгодская пустынь» и «Скрипки».

★ Творчество грузинских писателей привлекает всеобщее внимание. Готовится печать сборника переводов лучших произведений грузинской литературы.

Всесоюзный радиокomitee решил познакомиться радиослушателя с произведениями грузинских писателей 17 февраля в 18 ч. 30 м. будут переданы в эфир переводы с грузинского: Чкавалдзе — «К зажиточной жизни», Ломинадзе — «На ремонтном заводе», Лордкипанидзе — «Братья» и Сандро Эули — «Октябрьский марш».

★ К передаче по радио готовится большой монтаж афоризмов и изречений Козьмы Прутков. Специальную музыку для этой передачи пишет композитор Черемухин.

НОВОЕ В РАБОТЕ ДЕТГИЗА

Обсуждение плана на 1934 год

Основная установка ДетГИЗ на ближайший период, как сформулировали ее т. В. Лядова и Н. Венгров на обсуждении реплана на 1934 г., заключается в том, чтобы, исходя из наличных бумажных ресурсов, увеличить тиражи лучших книг. Это делается не только для потребителя, но и для писателя, в частности, в Москве, Ленинграде и других крупных городских центрах.

Принципы построения самого плана на 1934 г. свидетельствуют о воле к перестройке ДетГИЗ. План предусматривает круг тем, до сих пор либо вовсе не находившихся в поле зрения детских и молодежных издательств, либо очень слабо использованных ими.

Так, намечается целая серия биографий великих людей прошлого и настоящего («Ломоносов», «Сталин», «Чернышевский», «Шоколовский» и др.). К этой работе привлечены крупнейшие писатели. Ряд замечательных произведений мировой литературы (некоторые, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Илиада» Гомера — в специальной переработке для детей) анимированы, наконец, сказка (большим событием в этой области является выходом в ближайшем времени книга сказок Андерсена) и мир животных, которому будет посвящен ряд специально заказанных издательством произведений. Значительное внимание уделяется литературе о Красной армии — книги этой серии должны отразить не только героизм гражданской войны, но и сегодняшнюю Красную армию.

Дальше следуют разделы: «Наша страна» (книги об освоении Севера, о Кара-кумском походе, о Беломорском канале, о борьбе за стратосферу и т. д.), «Быт советских детей» (застраивается внимание «а тема «Колхозные дети»), «Занимательная наука и техника» (наконец «естественно-научная серия»: «Химия вокруг нас», «Рассказ о воз-

Накануне 16-й годовщины Красной армии НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ РККА

Письмо из Минска

Советские писатели Белоруссии встречают XVI годовщину РККА усиленным вниманием к вопросам оборонной тематики. Оргкомитет ССП БССР издает к годовщине три больших литературных альманаха оборонной прозы и поэзии. Альманахи будут изданы на белорусском, русском и еврейском языках. Наряду с произведениями лучших писателей Белоруссии (М. Лыньков, К. Черный) альманахи широко покажут творчество начинающих писателей в области оборонной тематики.

В БССР в последнее время виден значительный сдвиг оборонной литературы. Выдвинулись новые кадры из командиров, политработников, бойцов. Так, командир т. Газарин написал повесть о полкитах МТС. Д. Курдин (по специальности ветврач) после пьесы «Межурье», обобщившей театр Советского союза, дал новую повесть «Контратака». В области прозы работают командиры: Шапиро, В. Ардагов, Зырянов, Орса и др. в области поэзии — Степан Ходько, Каусан, Я. В. Сидельский. Из крупных белорусских писате-

лей и поэтов в последнее время да ряд больших вещей на оборонные темы: Петрус, Бронка, П. Габко, К. Черный, М. Лыньков, А. Александрович.

Усилили свою работу бойцы Чонгарской кавалерийской им. С. Буденного дивизии. Наподина т. Кропачев пишет белую повесть о оборонную тему, переработал свою повесть «Пески горят».

Творческое объединение при минском Доме Красной армии, бригады Оргкомитета писателей провели большие литературные вечера в Минске, Гомеле, Бобруйске, организовали ряд литературных вечеров оборонной прозы и поэзии по радио. Готовится литературный вечер пяти гарнизонов: Смоленска, Минска, Гомеля и др.

Надо отметить слабое внимание, уделяемое Госиздатом БССР изданию литературы на оборонные темы. В Минске работают и ВоенГИЗ, но из-за недоворочности между ним и Госиздатом оборонная литература издается в совершенно недостаточном объеме.

Г. САДОВСКИЙ.

МОНОГРАФИЯ ОБОРОННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

200 названий книг художественной литературы выпущено советскими издательствами только на тему гражданской войны (на русском языке). Оборонная художественная литература за последние два года выдвинула ряд новых литературных имен. Но мы еще слабо знаем основную костяк писателей, создающих оборонную художественную литературу. У нас еще нет книги, подводящей итоги оборонной художественной литературы, отображающей империалистическую войну, гражданскую войну, проблемы современной Красной армии: нет книги, дающей анализ конкретных оборонных произведений писателей. Оборонная комиссия Оргкомитета ССП СССР решила издать к

всесоюзному съезду писателей сборник-монографию художественной литературы. Каков должен быть характер и содержание сборника? Этому вопросу было посвящено последнее заседание президиума оборонной комиссии Оргкомитета. Сборник должен привести итоги оборонной художественной литературы к писательскому съезду. В сборнике будет дан ряд статей с творческим анализом их произведений.

Для окончательной выработки программы и содержания сборника избрана комиссия в составе: В. Вишневецкого, К. Левина, Д. Либерманна, Семенова и Тарасенкова.

ПИСАТЕЛИ У КОМАНДИРОВ

12 февраля в Центральном доме Красной армии состоялась встреча писателей с читателями журнала «Знамя». Зам. редактора журнала т. Рейзен отметил, что журнал «Знамя» сумел стать центром военной оборонной литературы. В журнале напечатаны такие крупные произведения, как «Капитальный ремонт» Соболева, «Тропа самурая» Рубинштейна и др. Журнал сумел собрать вокруг себя лучшие писательские силы, сумел воспитать новые кадры. Из рядов Красной армии выдвинулся летчик Толстой, краснознаменец и командир эскадрильи, написавший «Люди, которые летают» и др.

В то время как парская армия и армия империалистических стран, подготовка к будущей войне показаны сравнительно широко в произведениях Соболева, Новикова-Прибоя, Рубинштейна, Левина жизнь Красной армии сегодняшнего дня показана недостаточно. Исключением является только повесть «Бойцы» Ромашева. Связь писате-

лей с Красной армией слаба, ее не обходимо усилить.

Докладчик сообщил, что по мере книги о Беломорском задумано написать коллективную книгу о 30-й стрелковой дивизии, одной из славных дивизий Красной армии, имеющей боевые традиции, бывшей Колчака и Врангеля и много сделавшей для Днепропетровска.

Кроме этого, — продолжал т. Рейзен, — в связи с 20-летием империалистической войны будет выпущен специальный том, написанный на основании подлинных документов войны. Эту работу, начатую по инициативе журнала «Знамя», возглавляет т. Горький. Перед активом читателей «Знамя» стоит большая задача помочь журналу в его работе.

С чтением своих произведений выступили т. Луговской, Кирилл Левин, Ромашев, Виктор Гусев, Сурков и др.

Читатели тоже отметили, что жизнь и быт Красной армии в художественной литературе отражены недостаточно. Читатели говорили о том, что библиотечки плохо ведут работу вокруг журнала «Знамя». Многим бойцам и командирам РККА журнал неизвестен. Почти все выступавшие протестовали против печатания длинных романов с продолжением и просили давать больше «маленьких» рассказов. Ряд читателей требовал, чтобы журнал «Знамя» лучше показал интернациональное значение Красной армии и ее участие в соцстройке.

ТЕАТР

★ Бригада Камерн. театра выезжала в полкитотдела МТС и колхозы Лихославского района для культурного обслуживания колхозников. Бригада актеров дала 10 спектаклей в народном полкитотделе МТС и непосредственно в колхозах. Обслужено 3.000 колхозников, рабочих МТС и льнозавода.

«Мы в первый раз видели непосредственно у себя в колхозе мастеров советского искусства и обильем им большое колхозное спасибо и благодарности», — пишет по поручению колхозников председатель колхоза «Заветы Ленина» о постановке Камерного театра «Правда хорошо, а счастье лучше».

В том же духе прислал письмо Камерному театру начальник полкитотдела МТС Лихославля т. Горбачев.

★ Сегодня (16 февр.) Камерный театр показывает 250-е представление пьесы О. Неяля «Негр». В этой пьесе играют первые исполнители: Коонен — Элла, Александров — Джим (250 раз), Катен — Нисис Гарри, Эфрон — Катин, Федоровский — Джо, Чаплагин — Микки.

★ Ближайшая постановка театра — пьеса Джон Дос-Пассоса «Вершины счастья» (перевод Борового и Станевич). Режиссер — Л. Лукьянов, художник — В. Рындин.

О ДРАЙЗЕРЕ И ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ

ЗАКОН ЛИКУРИ А В МРХТ

В журнале «Театральная декада» А. Абрамов, давая комментарий к спектаклю «Закон Ликурга» в МРХТ, совместно цитирует мнение Эптона Синклера о романе Драйзера «Американская трагедия». Вот это мнение: «Стоит лишь выкинуть страсти из описания, как получается девушка, и получится

Рис. Н. Соколик

Роберта Альтен-Шигаева

непохожая проповедь для воскресных школ. А Абрамов считает это замечание ядовитым. Как на чей взгляд. Нам кажется, что это мнение больше приносит вред Синклеру, чем Драйзеру. Оно — неправильно, грубое и если позволить себе это резкое выражение, злостное. Тов. Абрамов пишет дальше: «Очевидно, это (т. е. то, что «Американская трагедия» — проповедь для воскресных школ — Ю. Ю.) и зависти автора пьесы «Закон Ликурга» (Базилевского) отойти от буквальной инсценировки романа». Это замечание тоже неверное, и здесь уже страдает Базилевский. Базилевский — автор честный. И если он отшел от Драйзера, то не потому, что считает «Американскую трагедию» воскресной проповедью, а потому, что если бы он заочел воплотить Драйзера по-настоящему, он взялся бы за труд, превзойдящий его силы. Он выбрал в огромном романе Драйзера мотивы, которые пришлось по его вкусу и способностям, и написал пьесу, имеющую свои достоинства. Но к этим достоинствам отнюдь не принадлежит более глубокое и правильное, чем у Драйзера, раскрытие темы.

«Американская трагедия», которая произвела исключительное впечатление во всем читательском мире, вещь замечательная всячески. В ней развивается знаменитая тема «молодого человека», человека, который борется с окружающим миром за утверждение себя, за завоевание себе места под солнцем. И вот в Америке, в этой классической стране карьер, молодой человек приходит к неизбежному и трагическому краху. Он мечтает о будущем, имея в виду успех в американо-американских традициях: он хочет индивидуалистической победы, карьеры, «спроситости». Электрический ступень, на которой сидит Клайд Гриффитс, обобщенный символ этого будущего. «Американская трагедия» с поразительной добросовестностью и шепетильностью прослеживает Драйзер каждый шаг Клайда Гриффитса. Быть может, он любит своего героя, быть может, он хо-

тел бы по разным соображениям спасти ему жизнь, но он не может этого, он вынужден довести его до электрического стула. — это неизбежно.

«Американская трагедия» написана «протокольным языком». Но это не столько художественный, сколько идеологический прием. Это для «социализма», для угнетения себя от оценок. Драйзер не хочет быть судьям выносящим «протокольный приговор». Нет, он нейтральный, он сторонний свидетель. Он протестует не да, что видит, он не говорит ни да, ни нет. Он еще не знает, что ему сказать, и он скрывает эту свою неуверенность и растерянность беспристрастным и монотонным голосом человека, читающего протокол. Ни одного эпитета, ни одной метафоры, ни одного слова по адресу героев. Я не судья, я свидетель. Но уже потому, что писатель отказался судить с точки зрения старого мира он... «выдал себя», раскрыл те идеальные тенденции, которые в нем полнокровно нарастают. И форма «протокола» — это форма перехода к активному, «множиному» действительности, к критике старых оценок, к новым. И мы знаем, что Дос-Пассос и Драйзер к ним уже приходят. Первый заявил себя горячим сторонником советского строя, второй на президентских выборах в Америке голосовал за коммунистического кандидата.

И вот если бы нашлся писатель, захотевший переложить на язык драмы произведение Драйзера, он должен был бы прежде всего преодолеть его «протокольность», как некую форму идеологического размышления автора «Американской трагедии». Он должен был стать на точку зрения определенного мировоззрения, чтобы зритель не беспартийно наблюдал объективный процесс жизни, но чтобы он в то же время любил и ненавидел, чтобы он был настроен воинственно. Но такой взгляд на пересмотр и на произведение Драйзера ничего общего не имеет со взглядом на «Американскую трагедию», как на «воскресную проповедь». Интересно, что Абрамов, излагая содержание романа, в общем как будто правильно его понимает. Зачем же он так настойчиво приводит совершенно противоположную цитату Синклера? Где ваша позиция, тов. Абрамов? Пожелаем т. Абрамову вести свои комментарии к спектаклю на более высоком уровне.

Если полноти к «Закону Ликурга» с точки зрения романа, то следует говорить о бессонной вульгаризации Драйзера. Об этом можно прямо сказать т. Базилевскому, чтобы не вводить в заблуждение у зрителей. У Базилевского Клайд не погибает на электрическом стуле, наоборот, он благополучно делает карьеру. Вместо него погибает его друг рабочий Кинселла, которому сознательно приписано убийство Роберты, совершенное Клайдом. У Клайда богатые родственники, и они подкупом и угрозами заставляют судью оправдать Клайда Гриффитса и тем

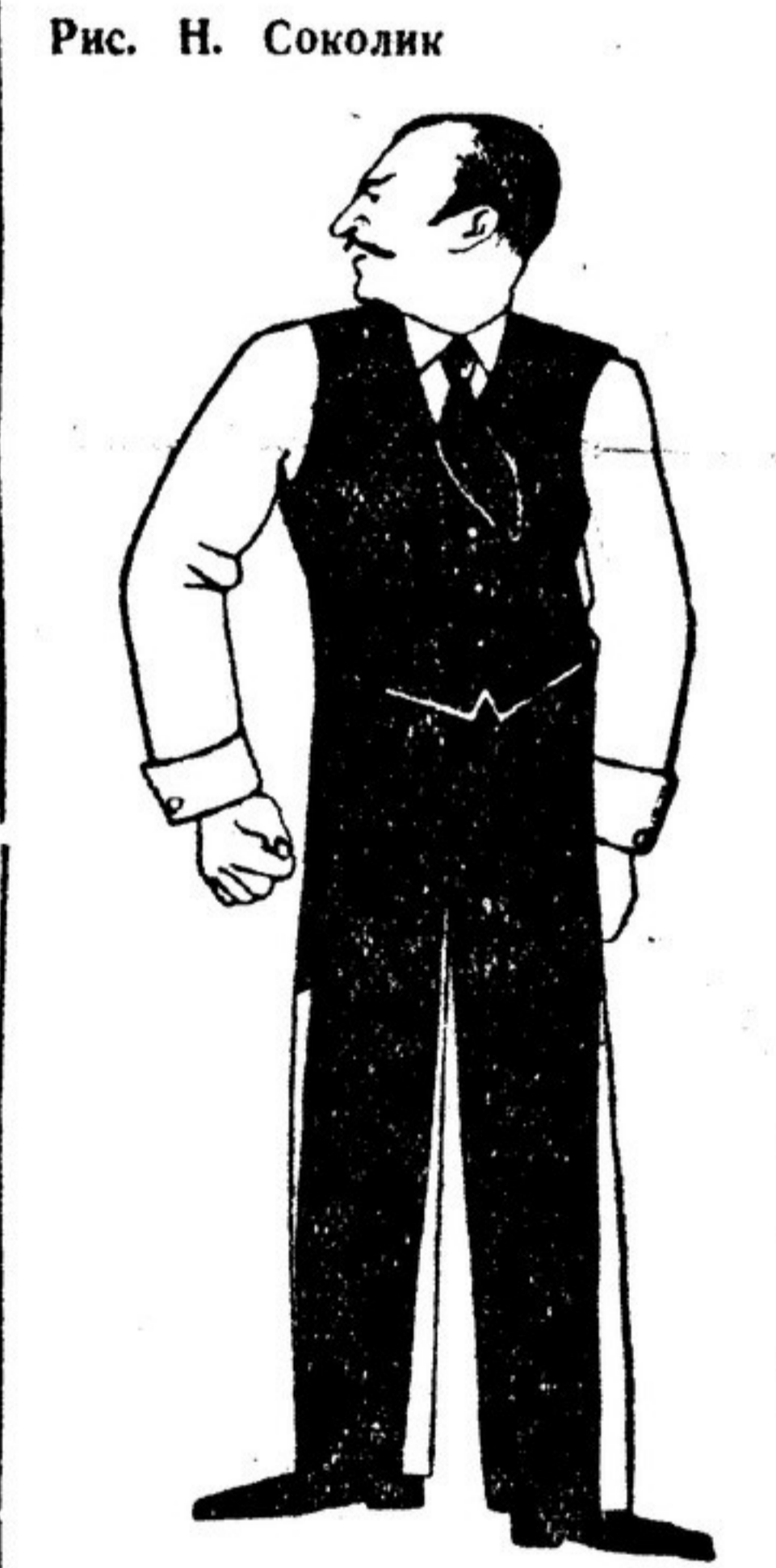
спаси часть фирмы Гриффитсов, которой угрожают бойкот и крах. В этом виде мы имеем самостоятельную пьесу. Но эта самостоятельность нас меньше радует, чем возможная «несамостоятельность» в случае большого внимания к самому Драйзеру.

Тема пьесы «Закон Ликурга» мелкая, проходная, банальная. Поэтому будем считать эту пьесу Базилевского учебной работой автора, овладевшего на издринном им материале — искусством писания пьесы, искусством языка, действия, конфликтов и пр. В этом смысле можно говорить даже об успехе. Базилевский сделал пьесу с острой иронией, эффектной ирой драматических переломов. Как говорится, пьеса смотрится. Спектакль занимательный.

Базилевский нам известен «Мобилизацией чувств», написанной с хорошим умом, составляющим основное достоинство этой пьесы. В «Законе Ликурга» он обнаруживает явное движение вперед как драматург в тесном смысле этого слова, в смысле более ясного плана, композиции, разворачивания действия и пр. Но с большей теплотой нам вспоминается «Мобилизация чувств». Там было больше мысли и чувства и меньше идиотских чувств и мыслей, что получается когда автор хочет думать о том только, как бы занять зрителя? Об этом следовало бы поговорить себе. Конечно, очень и очень важно овладение драматургической техникой. Но очень часто автор только и думает, как вконец угостить зрителя: здесь пьесу, готовит ему сюрприз, там уложит на месте душрадирующей мелодрамой, опять утешит всеслепкой сценкой, опять пригостит сорриями. И вот этот принцип «лишь бы зритель не скучал» обедняет автора, заставляет нечестно жертвовать мыслью, приучает к легкомысленному отношению к публике, которая, дескать, «сесть» было бы поладно. Есть этот дефект у Базилевского, и мы условимся, что это издержки учебны, так же как у другого одаренного драматурга Ржевского, пьесу которого «Товарищи и предатели» мы недавно видели.

От борьбы с этим дефектом выигрывает и актер, если только он настоящий художник и дешевой успех его не привлекает. Театр МРХТ в котором идет «Закон Ликурга», — театр культурный, выгодный, отличающийся от некоторых других районных театров, полагаю, что раз публика у них районная, значит, они толстокожая и можно грубо брать ее за «жабы», лишь бы «пошло».

Рис. Н. Соколик

Мезон—Оленин

ТЕМА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Нашему искусству, основанному на социалистическом реализме, нашему писателю нечем уходить от действительности. Объективная действительность, которую стремится отобразить советский писатель, насыщена внутренними эмоциями. Писателю должен помочь воспитанию нового человека, и огромную роль в этом может сыграть литературный портрет. Такой был вывоз вступительного слова на вечере Доме печати 10 февраля, на котором Е. Д. Зозуля читал литературный портрет «Мейерхольд».

«Литературная энциклопедия» определяет Е. Зозулю как писателя фабульного, но склонного в целях наибольшего обобщения к некоторой, повидному сознательно вводимой схематичности рисунка. Повидному активная и в большинстве квалифицированная аудитория, наполненная зал Дома печати, с интересом ожидала, какое разрешение получит у Зозули попытка дать

портрет великого революционера русской сцены, человека, о котором написана уже целая двухтомная монография.

По мнению большинства выступавших после выступления, задача эта автору в основном удалась. Е. Зозуля показывает вождя «театрального Октября» в нескольких планах и ситуациях: Мейерхольд — разрушитель канонов, Мейерхольд — актер, Мейерхольд — организатор, Мейерхольд — постановщик, Мейерхольд — воспитатель и т. д.

Разумеется, тема литературного портрета величайших современников величайшей эпохи может быть полностью разрешена только коллективными усилиями целого ряда советских писателей. Литературный портрет великого мастера советского театра, написанный к его 60-летию Е. Зозулей, может служить одним из этюдов для ее разрешения.

М. Л.

И актеры, игравшие в МРХТ «Закон Ликурга», в особенности Шигаева и Оленин, тонко задумали свои образы скорее по Драйзеру, чем по Базилевскому и отнюдь не из расчета «лишь бы занимать публику». И если они несколько ошиблись в своих планах, то во всяком случае обнаружили свои намерения, что мы и рады отметить.

Ю. ЮЗОВСКИЙ.

ИШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 12

ЛЕНГИХЛ Ж У Р Н А Л А

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК

посвященный детской литературе

В номере напечатаны рассказы, повести и стихи О. Бергольд, Л. Будоговской, В. Вальде, Р. Васильева, Н. Гернет, Я. Дорфмана, К. Золотова, М. Ильина, Десника, С. Маршала, Г. Мирониченко, Т. Одулова, С. Погороднекого, Ф. Семкина, Н. Тихонова, А. Углова, Е. Чарушина, К. Чуковского, В. Шергина, И. Шоры.

Статья акад. С. Ф. Ольденбурга «Наука и дети», С. И. Маршала «О наследстве и наследственности в детской литературе» и беседа с художником В. В. Лебедевым о рисунках для детей. В номере дано 30 иллюстраций.

ЧЕРЕДНОЙ НОМЕР № 3

ПРОСТ

ПОВЕЩЕН КРАСНОЙ АРМИИ

Содержание № 3

Платонов — Надин (рассказ). На путях к Октябрю. Киселев — Край (стихи). Ф. Я. Кин — На Страну. Страница о литературном: Эльман — Фантасы (готовятся к войне). И. Зарубин — Два рассказа. А. Абрамович — Вступление (Ласло). В. Лавин — Рыцарь (немецкий эпос о гражданской войне). А. Васильев — Искусство и оборона. Литучков М. А. Рыбинский — Работа над языком. Л. Мыльникова — Звиль как средство создания образа.

Красноармейский читатель об оборонной книге. Исаев — Песня (стихи). Репорт литобединения МВО. Литература на службе обороны — статьи о книгах Рухлово, Соболева, сборник «На рубеже», стихи Номинина и Киселева. Страница о литературном: Литература красноармейских газет.

Цена номера — 60 к.

Требуется в книжках Союзпечати. Подписная цена: 12 мес. — 12 р. 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 р.

Подписка принимается: Москва, 6, Стремянная, 11, издательство «Издательство и посылке почтой и отделением Союзпечати». ЖУРГАЗОВЕДИНИЕ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ № 1-2

ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА

СОВЕТСКОЕ КИНО

орган РОСАРФК выходит под редакцией И. Агджаларова, М. Колотова, И. Продева, Ф. Эрмлера, К. Юкова (отв. редактор).

В № 1-2 печатаются:

Л. Славин — «Чужая жизнь Петра Виллгольда». И. Попов — «Образ коммуниста на экране». И. Вайсфельд — «Па путь к искусству беспощадных». Каренция Зельвинский — «Мы выбираем будущее». И. Волков — «О самостоятельности актера». В. Иоселиани — «Кинохроника — орудие партии». Х. Герсонский — «Рыцарь балмака». И. Неаутов — «Проблема зрительности». А. Мачерет — «Реализм и оптимизм». К. Юков — «Тематический план 1934 года». Л. Кулеков — «Перспективы репериторийного периода» и др.

Журнал иллюстрирован кадрами из лучших советских кинофильмов. В номере 4 иллюстрированных листа на меловой бумаге. Цена 2 руб.

Требуется в книжках Союзпечати. Подписная цена: 12 мес. — 18 р., 6 мес. — 9 р., 3 мес. — 4 р. 50 к.

Подписка принимается: Москва, 6, Стремянная, 11, Жургазовединение в посылке почтой и отделением Союзпечати. ЖУРГАЗОВЕДИНИЕ.

Зам. прокурора Москвы КОБЛЕНЦ

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской бульвар, 25. Дом Герцена, 3-й этаж, тел. 1-30-63 и 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрестной бульвар 11, тел. 4-68-18 и 5-61-68.

ИЗВЕЩЕНИЯ

15 февраля, в 10 час., созывается общее собрание членов РЖКИСТ «Советский писатель». В повестке: 1) отчетный доклад правления; 2) доклад ревизионной; 3) распределение очередных номеров на распределение нового дома и 4) переизбрание правления и ревкомиссии. Собрание состоится в конференц-зале Дома Герцена.

ИКП литературы с 23 февраля по 10 марта проводит выходящую авточленику, на которую выносятся все поступающие в ИКП и слушатели авточленики 1 и 11 курсов. ДИРЕКЦИЯ.